

«Порочные умы»: Эпистемология пороков и риторика борьбы с антиинтеллектуализмом

Филатова Ася Алексеевна – кандидат философских наук, доцент.
Донской государственный технический университет.
344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1;
e-mail: asya_filatova@rambler.ru

Эпистемология добродетелей (ЭД) предлагает специфический подход к проблеме знания. Условием возможности знания становится наличие у субъекта определенных интеллектуальных способностей или качеств – эпистемических добродетелей. Задача ЭД – составить перечень эпистемических добродетелей, развитие и культивирование которых должно с высокой долей вероятности приводить индивидов к эпистемическому успеху. Эпистемология пороков (ЭП) возникает как направление ЭД, которое делает акцент не на добродетелях, а на пороках, которые препятствуют достижению и заслуживают порицания. Пороки могут приписываться как отдельным индивидам, так и целым сообществам. К порочным познающим сообществам относят, как правило, те, которые склонны ставить под сомнение научный консенсус: конспирологи, дениалисты, религиозные фундаменталисты и т.п. В статье утверждается, что используемая в ЭП логика вменения вины за плохие эпистемические качества имеет тенденцию превращаться из эпистемологического инструмента в идеологический и политический. Поскольку в логике ЭП «порочные умы» представляют угрозу не только для себя, но и для здоровья современных демократических обществ, то искоренение пороков выступает первостепенной политической задачей. Используя теоретические рамки социальной эпистемологии С. Фуллера, автор показывает, как риторика ЭП применяется сегодня в борьбе с антиинтеллектуализмом и эпистемическим популизмом.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, эпистемология пороков, эпистемические добродетели, эпистемические пороки, эпистемический ситуационизм, антиинтеллектуализм, популизм

"Vicious Minds": Vice Epistemology and Rhetoric of Resistance to Anti-Intellectualism

Asya A. Filatova – PhD in Philosophy, Associate Professor.
Don State Technical University.
1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don,
344000, Russian Federation;
e-mail: asya_filatova@rambler.ru

Virtue Epistemology (VE) offers a specific approach to the problem of knowledge. The condition for the possibility of knowledge is the presence of certain intellectual abilities or traits in the subject – epistemic virtues. The task of VE is to compile a list of epistemic virtues, the development and cultivation of which should lead individuals to epistemic success with a high degree of probability. The vice epistemology arises as a branch of VE, which focuses not on virtues, but on vices that hinder achievement and deserve censure. Vices can be attributed to both individuals and communities. As a rule, those who tend to question the scientific consensus are considered to be vicious knowing communities: conspiracy theorists, denialists, religious fundamentalists, etc.

The article argues that the logic of imputing blame for bad epistemic traits used in vice epistemology tends to turn from an epistemological tool into an ideological and political one. Since in the logic of the vice epistemology, "vicious minds" pose a threat not only to themselves, but also to the health of modern democratic societies, the eradication of vices is a primary political task. Using the theoretical framework of S. Fuller's social epistemology, the author shows how the rhetoric of vice epistemology is used today in the fight against anti-intellectualism and epistemic populism.

Keywords: virtue epistemology, vice epistemology, epistemic virtues, epistemic vices, epistemic situationism, anti-intellectualism, populism

Введение

Эпистемология добродетелей (ЭД), наряду с исследованиями науки и технологий, социальной эпистемологией, социологией научного знания и другими схожими по тематике направлениями, ставит перед собой задачу понять, как люди познают и какие факторы оказывают влияние на получение знания. Однако, в отличие от подходов, которые практикуют дескриптивный подход (STS, laboratory studies), ЭД предлагает нормативную программу, формирующуюся через утверждение перечня интеллектуальных добродетелей. Эпистемические добродетели – это качества, которые необходимо в себе культивировать познающему агенту (индивиду или сообществу), чтобы достичь главной цели – эпистемического блага (знания, истины и т.п.). ЭД как философское направление предстает как своеобразная «лаборатория», в которой с помощью специфического инструментария – мыслительных экспериментов, а также через изъятие из реальной практики образцовых примеров, вырабатываются необходимые для получения «хорошего» знания нормативные установки. Метафора лаборатории в данном случае указывает на необходимость создать такие условия, которые позволили бы обнаружить стабильную связь между наличием конкретной добродетели у субъекта и достижением им эпистемического блага, исключив все иные факторы, которые в ситуации актуальной познавательной деятельности могут оказывать влияние на положительный результат. По логике теоретиков ЭД, эпистемические добродетели, как они сформулированы в рамках кабинетной философии, после тщательной проверки могут быть масштабированы в «большой мир» (например, через систему образования), с целью привести существующие эпистемические практики в соответствие нормам.

Помимо «позитивной» программы, ориентированной на интеллектуальное улучшение общества через демонстрацию хороших примеров, выраженных в добродетелях, в рамках ЭД возникает «негативная» программа (далее мы будем именовать ее эпистемологией

пороков – ЭП), которая ставит своей целью обнаружить причину имеющих место эпистемических провалов. Источники «неуспеха» также кроются в качествах познающих субъектов, а именно в их пороках [Cassam, 2019 (b)]. Порочные познающие, отдельные индивиды или целые сообщества, наносят, по мнению авторов данной концепции, значительный урон обществу в целом, по причине их ущербных практик происходит коррозия демократических институтов, а традиционные эпистемические авторитеты (в частности, наука) теряют свое влияние [Snow, Vaccarezza (eds.), 2021].

В рамках статьи я попытаюсь показать, что именно «негативная» программа ЭД, которая не просто призывает развивать те или иные добродетельные качества, а вменяет субъекту или социальной группе вину за имеющиеся пороки, в большей степени имеет тенденцию становиться риторическим орудием в политических и идеологических играх. Опираясь в качестве теоретического ресурса на социальную эпистемологию С. Фуллера и, прежде всего, на его концепцию пост-правды [Фуллер, 2021], в качестве примера такой идеологической игры я предлагаю рассмотреть борьбу с антиинтеллектуализмом, разворачивающуюся не только в пространстве публичных политических дебатов, но также в ряде современных научных публикаций.

ЭД и ее социальная миссия

Сила и слабость ЭД как философского направления состоит в том, что достаточно сложно строго обозначить положения, которые являются сущностными, т.е. неизменными во всех его авторских вариациях. Это, с одной стороны, позволяет значительно расширить теоретический арсенал и тематическое поле ЭД, но, с другой, размывает целостность подхода. Направление выглядит скорее как группа родственных концепций, где общие черты присутствуют между отдельными теориями, но не у всех «членов семейства» одновременно. А. Фэрвезер указывает на два основополагающих утверждения ЭД, которые должны придать ей хотя бы условное концептуальное единство: (а) знание и другие важные эпистемические понятия по существу являются нормативными и (б) эпистемически ценные состояния агентов придают эпистемически ценные свойства их убеждениям, а не наоборот [Fairweather, 2014, p. 1]. Оба утверждения могут быть проблематизированы при обращении к конкретным вариантам ЭД. Если исходить из положения, что нормативная эпистемология выступает альтернативой натурализованной эпистемологии (У.В.О. Куайн) [Касавин, 2017], то настойчивые попытки эмпирически обосновать теоретические подходы ЭД и создать ее натуралистические варианты,

опираясь на достижения эволюционной биологии и когнитивной науки [Fairweather, 2014, p. 3], серьезно подрывают саму идею нормативности. Не менее очевидно обстоит дело с эпистемическим субъектом и присущими ему качествами, способностями и привычками. Помимо традиционного разделения ЭД на релейабилитское (Э. Соса, Э. Голдман, Дж. Греко) и респонсибилистское (Л. Загзебски, Л. Коуд, К. Хуквей) направления, имеют место концептуальные расхождения относительно того, кого можно считать субъектом познания: отдельного индивида, эпистемическое сообщество или «расширенный разум», т.е. ассамбляж человека и артефактов внешней среды, на которые он переносит часть своих когнитивных функций [Schwengerer, 2021]. Нет однозначности и в вопросе, что именно следует оценивать как добродетель: эпистемическую мотивацию субъекта [Zagzebski, 1996]; навык, который регулярно применяет познающий [Code, 1987], или последствия применения этого навыка [Goldman, 1999].

Оставляя в стороне теоретические расхождения альтернативных вариантов ЭД, сконцентрируем внимание на тех положениях, которые значимы в контексте проблемы использования ЭД как ресурса политической риторики. Ключевым здесь является требование «учитывать субъекта», которое высказывается разными авторами и у каждого приобретает специфическое звучание. В частности, Л. Коуд, работая в рамках феминистской эпистемологии, апеллирует к нему, чтобы указать на ограниченность нейтральной модели знания, которая не берет в расчет чувства, эмоции и социальное положение познающего (его точку зрения) [Code, 1987]. Поворот к субъекту обладает значительным потенциалом для социальных и исторических подходов в теории познания, которые исследуют условия и практики, в которых возникает репертуар эпистемических добродетелей, используемые индивидами как ресурсы для выражения самости [Daston, Galison, 2007].

В ЭП, как негативной вариации ЭД, субъективный поворот предполагает в первую очередь возможность вменить субъекту вину за его эпистемические ошибки. Под эпистемическими пороками обычно понимаются определенные индивидуальные интеллектуальные недостатки, которые оказывают негативное влияние на наше интеллектуальное поведение [Cassam, 2019 (b), p. 2]. К ним относят: интеллектуальное высокомерие, небрежность, конформизм, ригидность, легковерие, предубеждения или предвзятости, принятие желаемого за действительное, нечувствительность к деталям, безразличие, ограниченность и т.п. [Cassam, 2019 (b); Zagzebski, 1996; Roberts, Wood 2007]. Социальные последствия проявления интеллектуальных пороков, как полагают представители респонсибилистского крыла ЭП, приближают их к моральным изъянам. Объектами порицания в ЭП могут становиться как отдельные индивиды, так и предельно широкие социальные группы, зачастую конструируемые

самим актом «обвинения» (дениалисты, антипрививочники, республиканцы и т.п.).

Рост интереса к теории эпистемических пороков неслучаен. Он отчасти обусловлен тем, что ЭП предлагает относительно простое и убедительное объяснение целого ряда кризисных явлений в политико-эпистемической сфере, вызванных возникновением и распространением новых информационных технологий, доступностью массового образования, «поворотом к участию» и расцветом гражданской науки, а также развитием исследований науки и технологий, открывших тайну производства научных фактов. Эпистемический авторитет традиционных академических и политических институтов действительно подвергся серьезным испытаниям. Вместе с ним под сомнением оказалась остававшаяся долгое время относительно устойчивой картина мира, воплощающая диспозицию сил, в которой «право на истину» было закреплено за определенным типом агентов – экспертов. Решить проблему доверия между «рядовыми людьми» и экспертным сообществом путем корректировки мотивационной сферы и искоренением неправильных способов познания идея вовсе не новая. В своей книге «Целенаправленное мышление», вышедшей в 1939 г., Сюзан Стеббинг писала: «Сегодня существует настоятельная необходимость в том, чтобы граждане демократической страны хорошо мыслили. Недостаточно иметь свободу прессы и парламентских институтов. Наши проблемы отчасти объясняются нашей собственной глупостью, отчасти эксплуатацией этой глупости, а отчасти нашими собственными предрассудками и личными желаниями» [цит. по: Cassam, 2019 (b), p. vii].

Современные эпистемологи продолжают бороться за «хорошее мышление», не только с целью достичь истинных обоснованных суждений, их претензии распространяются и на более практические задачи: выявлять угрожающие «здоровью» современной демократии эпистемические пороки и обучать граждан получать знание в эпоху пост-правды [Cassam, 2019 (b); Snow, Vaccarezza (eds.), 2021], расчищать «эпистемический мусор» (т.е. народную медицину, теории заговора, fake news и т.п.) [Snow, Vaccarezza (eds.), 2021; Harambam, 2017], обнаруживать когнитивные ошибки дениалистов [Шевченко, Тухватулина, 2020], бороться с эпистемической несправедливостью и угнетением [Anderson, 2012; Catala, 2015; Fricker, 2007], воспитать ответственного гражданина, способного участвовать в публичных дебатах честным, открытым и справедливым образом [Baehr, 2021]. Все эти насущные задачи требуют детального прояснения концептуальной составляющей ЭД. Прежде всего выяснение того, как осуществляется содержательное определение добродетелей и пороков, а также как обнаруживаются источники нормативности, позволяющие совершать компетентную оценку конкретных познавательных практик как добродетельных или порочных.

ЭД и вызовы эпистемического ситуационизма

Одним из теоретических вызовов для ЭД является так называемый эпистемический ситуационизм (ЭС) [Fairweather, Alfano (eds.), 2017]. Его представители утверждают, что у нас отсутствуют веские основания полагать, что у субъекта есть устойчивые интеллектуальные качества, которые оставались бы неизменными вне зависимости от тех обстоятельств, в которых протекает практика получения знания. По своей логике критика ЭД со стороны ЭС схожа с аналогичными возражениями этического ситуационизма по поводу этики добродетелей. Со стороны экспериментальной психологии основная претензия к ЭД состоит в том, что между наличием или отсутствием когнитивных способностей у субъекта (например, хорошей памятью) и получением им знания нельзя эмпирически обнаружить устойчивую связь, поскольку в процесс познания вмешивается множество ситуативных факторов, как внутренних (настроение, уровень глюкозы в крови и т.п.), так и внешних (шум, плохая погода и т.п.). Интеллектуальные качества (открытость ума, эпистемическое мужество, эпистемическое смирение и т.п.) еще более чувствительны к ситуативным моментам, поскольку разные социальные практики предполагают и даже поощряют разную степень их проявления. Стать в позицию своего коллеги-ученого, даже если он принадлежит к иной научной школе, легче, чем стать в позицию приверженца теории плоской Земли.

Ответы, которые звучат со стороны ЭД на ситуационистский вызов следующие [Каримов, 2017]. Во-первых, эпистемические добродетели и пороки, это не только то, что обязательно и во всех случаях приводит к знанию, но то, что достойно похвалы или порицания. Мы должны в первую очередь оценивать мотивацию и интеллектуальные привычки субъекта. Если мотивация стабильна вне зависимости от вариативности контекстов, в которых субъект осуществляет познание, то только тогда есть смысл говорить о добродетели. Добродетели поэтому нельзя локализовать, они формулируются в самом общем виде (Л. Загзебски). Например, открытость ума – это способность стать на другую точку зрения в любой ситуации, кем бы она ни была представлена: близкими родственниками, вич-диссидентами, религиозными экстремистами и т.п. Второй контраргумент состоит в следующем: эпистемические добродетели хоть и значимы для достижения истины, но не являются единственной составляющей эпистемического успеха. Вполне правомерно прибавить к интеллектуальному качеству ряд ситуативных факторов: например, открытость плюс хорошее настроение (Д. Притчард).

Безусловно, можно продолжить задавать вопросы теоретикам ЭД. Например, как долго мы должны хвалить человека за его эпистемическое смирение, если оно не будет приводить к знанию? Есть ли

какое-то критическое количество ошибок, после которого возникнут сомнения относительно интеллектуальной добродетельности агента, и он перейдет в разряд порочных познающих? Или можно попросить указать на необходимую часть вклада добродетели по сравнению с сопутствующими элементами эпистемического успеха: хорошего настроения, приятной погоды, социального поощрения и съеденной шоколадки.

Контраргументы, которые можно дальше предъявлять теоретикам интеллектуальных добродетелей, сами по себе представляют большой интерес, но на деле не выходят за те концептуальные рамки, которые фундируют саму ЭД. Они строятся на допущении, что мы знаем, чем является та или иная добродетель или порок по своей сути, т.е. это значение нам доступно, оно постоянно и неизменно вне зависимости от способа ее реализации. Люди прекрасно понимают, что значит иметь эпистемическое мужество или любопытство, и по этой причине должны быть готовы его применить в любой релевантной ситуации. Кроме того, не существует зазора между правилом и его применением, из общей дефиниции можно беспрепятственно вывести универсальный порядок действий: быть непредвзятым значит поступать непрезвзято. В целом, понимаемая таким образом проблематика ситуационизма не затрагивает сами добродетели и пороки, а касается лишь вопроса о том, какую роль иные входящие условия могут играть в достижении конечной цели или в какой степени добродетель или порок проявляется.

Подобный взгляд на природу интеллектуальных качеств присущ не только «натуралистическому» крылу ЭД, но и ее социально ориентированным направлениям. В частности, в концепции эпистемической несправедливости М. Фрикера [Fricker, 2007], которую С. Фуллер иронично называет «добропорядочной, политкорректной формой веритизма» [Фуллер, 2021, с.111], такими ситуативными факторами выступают социальные предвзятости, которые искажают оценку эпистемических заслуг некоторых «безгласных групп» (muted groups) (расовых, сексуальных, этнических и др. меньшинств). Предвзятое отношение проявляется в необоснованном недоверии свидетельским показаниям их представителей (testimonial injustice) и в лишении их языка самовыражения (hermeneutic injustice). Однако сама эпистемическая несправедливость, а также интеллектуальные качества, которые безосновательно игнорируются, содержательно не проблематизируются, выступая как нечто самоочевидное.

Для того чтобы продвинуться немного дальше и задаться вопросом о содержании добродетелей и пороков, имеет смысл немного переформулировать ситуационистскую проблему, перенеся фокус внимания с внешних факторов, вторгающихся в процесс познания, на семантику самих добродетелей и пороков. Прежде всего необходимо поставить под сомнение «глобальность» интеллектуальных

черт характера, т.е. возможность сформулировать их в общих понятиях. С этой целью, я полагаю, будет продуктивным прибегнуть к предложенной Л. Витгенштейном концепции значения как употребления [Витгенштейн, 1994], согласно которой значение понятия может быть установлено путем описания и прояснения различных вариантов применения слова. Эти варианты возникают в разных языковых играх и являются результатом конвенций, придающих языку нормативность. Поскольку языковых игр (так же как стоящих за ними форм жизни) множество, а следовательно, множество вариантов использования слова, то дать общее определение концепту затруднительно.

Применительно к ЭД витгенштейнианская теория значения позволяет говорить о несколько иной форме ситуационизма. Этот ситуационизм проблематизирует семантическое единство эпистемических добродетелей и пороков и дает перспективу для описания разнообразных социальных практик, в которых то или иное эпистемическое качество приобретает весьма определенное содержание (локализм). Еще один шаг в этом направлении делается в рамках социальной эпистемологии. С. Фуллер, в частности, описывает это как войну, которая ведется между учеными, государственными институтами и гражданским обществом за право устанавливать истину [Фуллер, 2021, с. 19]. В качестве варианта такой игры, в которой концепты ЭП используются для легитимации эпистемической власти, я предлагаю рассмотреть современную программу критики антиинтеллектуализма.

Антиинтеллектуализм, популизм и эпистемические пороки

Мысль о том, что такие исторические события, как приход к власти фашистов в 30-х гг., выход Великобритании из Европейского союза (Brexit) и победа Д. Трампа на выборах в 2017 г., являются звеньями одной цепи и их причины стоит искать в эпистемических пороках людей, все чаще высказывается в научных публикациях [Cassam, 2019 (b); Motta, 2018]. Эпистемические качества граждан, в частности, разного рода эпистемические дефекты (регидность мышления, легкоеверие и т.п.) стали рассматриваться как мотивационный фактор, который предопределяет их политическое поведение. Речь в первую очередь идет об недоверии официальной экспертизе и сомнении в научном консенсусе [Ylä-Anttila, 2018; Motta, 2018; Hansson, 2017].

К концепции эпистемических недостатков как удобному объяснительному инструменту прибегают, в частности, современные исследователи феномена антиинтеллектуализма [Merkley, 2020]. Надо отметить, что многие авторы, пишущие сегодня об антиинтеллектуализме, непосредственно не ассоциируют себя с ЭП, однако воспроизводят

базовые риторические ходы, свойственные данному направлению. В рамках аналитической философской традиции одной из первых работ по данной теме стала книга Д. Хофштадтера «Антиинтеллектуализм в современной американской жизни» [Hofstadter, 1963], в которой он указал на устойчивую корреляцию между политическим популизмом и скептицизмом по отношению к науке. Речь идет, в первую очередь, о правом популизме, представители которого склонны использовать неприязнь и недоверие людей к элитам с целью мобилизовать свой электорат. Значительная часть исследований феномена антиинтеллектуализма связана с политическим противостоянием демократов и республиканцев в США. Этот уникальный американский контекст, однако, может быть расширен и применен к другим регионам, поскольку понятие антиинтеллектуализма используется при описании различных вариантов консервативной идеологии и религиозного фундаментализма.

Популизм представлен в современной социальной теории не просто как политический феномен, но также как эпистемический, поскольку утверждается, что реципиенты популистской идеологии обладают устойчивым набором интеллектуальных недостатков, среди которых чаще всего фигурируют: отсутствие критического мышления и стремление принять желаемое за действительное. Простые схемы, на которых зиждется популизм, предполагают актуализацию необоснованной подозрительности к любым элитам при одновременной атрибуции «простому народу» лучших моральных качеств. В частности, претензии к академическим элитам состоят в том, что ученые вступают в спор с политическими силами и капиталом с целью монополизировать право на знание и принятие решений в областях, связанных с наукой [Merkley, 2020, p. 25]. Эксперты в такой картине мира – это коррумпированная мафия, чьим рекомендациям нельзя доверять, поэтому народ должен требовать суверенитета в утверждении истины [Mede, Schäfer, 2020, p. 2].

Если оставаться в логике объяснения политического популизма интеллектуальными свойствами и привычками индивидов, то борьба с ним должна вестись через искоренение причины, т.е. через работу с эпистемическими пороками. Интерпретации конкретного содержания этих пороков и стратегии борьбы с ними варьируются в зависимости от теоретических взглядов авторов. Ряд исследователей пытаются обнаружить поломки в когнитивных способностях сомневающих, другие же делают основной акцент на качествах характера. В частности, К. Муни в своей работе «Мозг республиканцев: наука о том, почему они отрицают науку – и реальность» [Mooney, 2012] обнаруживает эпистемические дефекты непосредственно в мозгах политических оппонентов. Политический консерватизм, по его мнению, связан с особым когнитивным стилем, который предполагает менее скрупулезную обработку информации. Соратники К. Муни видят причины

повышенной недоверчивости республиканцев к научному консенсусу в свойственном им низком уровне развития вербального интеллекта [Motta, 2018], плохом образовании [Gauchat, 2012], недостатке мотивации к более точной обработке новой информации и т.п. Несколько иной подход, приближенный к респонсибилистской трактовке пороков, фокусирует внимание не столько на когнитивных дефектах субъектов, сколько на извращенных этических принципах, которые лежат в основе их эпистемических практик. В связи с этим разного рода эпистемические популисты, в частности отрицатели науки или конспирологи, являются не просто «глупыми», а морально несостоятельными субъектами, неспособными нести ответственность за свою эпистемическую практику [Cassam, 2019 (a)]. Такой подход, как отмечает С. Фуллер, приводит в итоге к убеждению, что «креационисты, климатические скептики и различные последователи нью-эйджа, какие бы сложные теории они ни развивали, не просто ошибаются, они еще и “порочны” в том смысле, который допускает разбухание эпистемической ошибки до нравственного греха» [Фуллер, 2021, с. 19].

Концепция антиинтеллектуализма, чей объяснительный потенциал столь высоко оценивается сегодня как в академической среде, так и в публичных политических дебатах, может быть в свою очередь подвергнута критике с позиций нормативного требования эпистемической добросовестности.

1. Риторика борьбы с антиинтеллектуализмом воспроизводит логику, по сути, симметричную популизму. Там, где популист видит «коррупцированный истеблишмент» и «добродетельный народ», критик антиинтеллектуализма обнаруживает «просвещенные элиты» и «кучку жалких людей». И те и другие в своем противостоянии оперируют пустыми означающими, атрибутируя друг другу эпистемические грехи, среди которых основную роль играют глупость, отсутствие критического мышления и неспособность анализировать факты. К «непросвещенным массам», обремененным подобными «дефектами», можно заметить только методы терапевтического исправления порочных качеств, педагогического восполнения дефицита (например, образования) или коррекционного перевоспитания. В случае с «продажными экспертами», незаконно захватившими право вещать от имени истины, можно справиться исключительно путем их разоблачения и деавторитизации или, как показала трагическая история XX в., физического истребления.

2. Критики антиинтеллектуализма используют прием необоснованной генерализации. На основе исследования нескольких радикальных или даже комичных кейсов (ВИЧ-диссиденты, сторонники концепции плоской Земли), имеющих негативную общественную репутацию, делаются выводы об интеллектуальных качествах всех, кто смеет сомневаться в научном консенсусе. В категорию сторонников антиинтеллектуализма часто попадают философы и историки науки,

и также разного рода «постмодернисты», которые через историзацию науки и конструктивистский подход к научным фактам подрывают общественное доверие к науке в целом [см., например: Sidky, 2018; Shawn, 2016]. Х. Сидки поименно называет виновных в запуске «всеобъемлющей кампании дезинформации, направленной на делегитимизацию науки и рациональности. Печальные последствия которой были болезненно осознаны многими после президентских выборов в США в 2016 году» [Sidky, 2018, p. 40]. Подрыв эпистемического порядка, по его мнению, должен лежать на совести Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара и Б. Латура. Кроме оказавшихся в одной компании «постмодернистов», дениалистов и сторонников теории заговора распространению антиинтеллектуализма, по мнению ряда авторов, способствует расцвет контрзнания, т.е. такого знания, которое соответствует общей эпистемологии науки, но ставит под сомнение честность и добросовестность традиционных институтов, производящих знание [Ylä-Anttila, 2018, p. 2–3]. Н.Г. Мид и М.С. Шафер, рассматривая популистские дискурсы, связанные с наукой (*science-related populism*), обнаруживают еще один источник антиинтеллектуалистских настроений – это ставшие результатом «партиципативного поворота» альтернативные эпистемологии («*emo-truth*», «*I-Pistemology*» и т.п.) [Mede, Schäfer, 2020, p. 5–6].

Смешение в общем тематическом поле столь несопоставимых феноменов, как концепция научных парадигм Т. Куна и, например, конспирологической теории QAnon, дает повод к сомнению относительно перспективности самой теоретической рамки антиинтеллектуализма и высказать предположение о ее идеологической природе.

3. Авторы концепции антиинтеллектуализма связывают эпистемическую добродетельность, как правило, с рациональным, а еще более конкретно, с научным мировоззрением, игнорируя иные источники знания. Программа критики антиинтеллектуализма строится на разделении научной рациональности и здравого смысла, поставив первое в основание научного мировоззрения, носителями которых выступают ученые, а второе – обыденного сознания «простых» людей. Такое разделение необходимо для обоснования института науки как «эпистемического психотерапевта», отвечающего за исправление когнитивных искажений всего общества на его пути к истине. Понятие «пост-правды», чаще всего фигурирующее в разного рода алармистских рассуждениях о начале «анти-научной эры» [Livni, 2016, web], как раз содержит прогноз относительно тех катастрофических последствий, к которым может привести ситуация, когда эмоции и личные убеждения становятся для людей более значимым эпистемическим ресурсом, чем «объективные факты» науки. Такая позиция не учитывает, во-первых, что здравый смысл современного человека пронизан убеждениями, которые «пришли» из науки и стали самоочевидной частью повседневных практик людей (например, практика

регулярно мыть руки), во-вторых, игнорирует тот факт, что «интуитивное чувство истины» и коллективный опыт могут приводить к более эффективному эпистемическому результату, чем культивируемые наукой индивидуальные эпистемические добродетели [Levy, Alfano, 2020].

Подводя итоги, следует отметить, что программная критика антиинтеллектуализма содержит в себе концептуальный парадокс. Опираясь на науку как образцовый эпистемический институт, который демонстрирует всему остальному обществу добродетельные интеллектуальные привычки, среди которых автономность мышления и эпистемическое мужество, борцы с невежеством отрицают за рядовыми гражданами подобного рода автономию, поскольку, не имея доступа к институциональным ресурсам, их добродетель может быть реализована только в доверии «опекунам» от науки. Всех тех, кто призывает к бдительному отношению к экспертам и контрабандой перетаскивает в свои практики их орудия (это может быть как критический метод, так и домашняя лаборатория), сторонники чистоты научного знания автоматически относят к антиинтеллектуалам или деструктивным эпистемическим элементам, реализующим порочные практики и создающим «эпистемический мусор». Тем самым демонстрируется явное пренебрежение к возможной рациональности оппонентов. Именно беспрекословная вера экспертам, а не осторожное отношение к научному консенсусу, как отмечает С. Фуллер, приводит «к моральному оуплению населения, побуждая людей отдавать другим, специально уполномоченным людям – начиная, возможно, с врача общей практики – право решать за них, во что верить, даже когда последствия таких решений прямо влияют на их жизнь и чувство идентичности» [Фуллер, 2021, с. 32].

Выводы

Эпистемология добродетелей представляет одно из перспективнейших направлений современной теории познания, чьи интересы выходят далеко за пределы классических эпистемологических проблем, хотя именно с их решения начинается свое развитие. Указывая на характеристики субъекта познания (индивидуального или коллективного), которые задают условия возможности знания и предопределяют его качество, ЭД, с одной стороны, дает импульс для усовершенствования наших практик, обозначая на достойные образцы, но с другой, в рамках своей «негативной программы» – ЭП, становится «поставщиком» инструментов для разоблачения порочных познающих. Именно риторика ЭП имеет тенденцию с легкостью переводить эпистемологические аргументы в статус идеологических. Причем использовать

их с равным успехом могут представители разных политических и социальных лагерей, как борцы с антинаучными движениями, так и защитники контрзнания. В такой ситуации значение конкретных пороков (как и добродетелей) будет определяться нормами той практики, в рамках которой понятие используется. То, что в одном контексте может расцениваться как эпистемическое мужество, в другом представлять как ригидность мышления. Анализ различных актуальных практик употребления концептов ЭД могло бы быть перспективной задачей для развития ее социальной версии.

Список литературы

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Каримов, 2017 – *Каримов А.Р.* Вызов ситуационизма для эпистемологии добродетелей // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2017. № 11. С. 10-15.

Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Нормы в познании и познание норм // *Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 54. № 4. С. 8-19.

Фуллер, 2021 – *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.

Шевченко, Тухватулина, 2020 – *Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А.* Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // *Вопросы философии.* 2020. № 11. С. 109-119.

References

Anderson, 2012 – Anderson, E. “Epistemic Justice as a Virtue of Social Institutions”, *Social Epistemology*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 163-173. DOI: 10.1080/02691728.2011.652211

Baehr, 2021 – Baehr, J. “Democracy, Information Technology, and Virtue Epistemology”, in: N. Snow and M.S. Vaccarezza (eds.). *Virtues, Democracy, and Online Media. Ethical and Epistemic Issues.* Routledge, 2021. (Forthcoming)

Cassam, 2019 (a) – Cassam, Q (a). *Conspiracy Theories.* Cambridge: Polity Press, 2019, vii+127 pp.

Cassam, 2019 (b) – Cassam, Q. (b) *Vices of the Mind: From the Intellectual to the Political.* Oxford: Oxford University Press, 2019. xiv+202 pp.

Catala, 2015 – Catala, A. “Democracy, Trust, and Epistemic Justice”, *The Monist*, 2015, vol. 98 (4), pp. 424-440. DOI: 10.1093/monist/onv022.

Code, 1987 – Code, L. *Epistemic Responsibility.* Hanover, NH: University Press of New England, 1987, 272 pp.

Daston, Galison, 2007 – Daston, L. & Galison, P. *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007, 501 pp.

Fairweather, 2014 – Fairweather, A. “Bridges Between Virtue Epistemology and Philosophy of Science” in: A. Fairweather (ed.). *Virtue Epistemology Naturalized: Bridges Between Virtue Epistemology and Philosophy of Science*. Springer, 2014, pp. 1–9.

Fairweather, Alfano (eds.), 2017 – Fairweather A., Alfano M. (eds.). *Epistemic Situationism*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 272 pp.

Fricker, 2007 – Fricker, M. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. New York, NY: Oxford University Press, 2007, 198 pp.

Fuller, 2021 – Fuller, S. *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-truth. Knowledge as Power Game] trans. by D. Kralechkin. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2021, 368 pp. (In Russian)

Gauchat, 2012 – Gauchat, G.W. “Politicization of science in the public sphere: A study of public trust in the United States, 1974 to 2010”, *American Sociological Review*, 2012, vol. 77 (2), pp. 167–187.

Goldman, 1999 – Goldman, A.I. *Knowledge in a Social World*. Oxford: Oxford University Press, 1999, 407 pp.

Hansson, 2017 – Hansson, S.O. “Science Denial as a Form of Pseudoscience”, *Studies in History and Philosophy of Science*, 2017, vol. 63, pp. 39–47. DOI: 10.1016/j.shpsa.2017.05.002.

Harambam, 2017 – Harambam, J. “The truth is Out There”: *Conspiracy Culture in an Age of Epistemic Instability*. Ph.D. Dissertation, Erasmus University Rotterdam, Rotterdam, 2017, 378 pp.

Hofstadter, 1963 – Hofstadter, R. *Anti-intellectualism in American life*. New York: Alfred A. Knopf, 1963, 443 pp.

Karimov, A.R. “Vyzov situatsionizma dlya epistemologii dobrodeteli” [The Challenge of Situationism for Epistemology of Virtues], *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, no. 11, pp. 10–15. (In Russian)

Kasavin, I.T. “Normy v poznanii i poznanie norm” [Norms in Cognition and Cognition of Norms], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 8–19. DOI: 10.5840/eps201754461. (In Russian)

Levy, Alfano, 2020 – Levy, N. & Alfano, M. “Knowledge From Vice: Deeply Social Epistemology”, *Mind*, 2020, vol. 129, no. 515, pp. 887–915.

Livni, 2016 – Livni, E. “Trump’s Skepticism about Climate Change Is Turning Scientists into Activists”, *Quartz* (December 14, 2016). [<https://qz.com/862921/> accessed on 06.06.2021].

Mede, Schäfer, 2020 – Mede, N.G. & Schäfer, M.S. “Science-related Populism: Conceptualizing Populist Demands Toward Science”, *Public Understanding of Science*, 2020, vol. 29 (5), pp. 1–19. DOI:10.1177/0963662520924259.

Merkley, 2020 – Merkley, E. “Anti-intellectualism, Populism, and Motivated Resistance to Expert Consensus”, *Public Opinion Quarterly*, 2020, vol. 84 (1), pp. 24–48. DOI: 10.1093/poq/nfz053.

Mooney, 2012 – Mooney, C. *The Republican Brain: The Science of Why They Deny Science and Reality*. New York, NY: John Wiley, 2012, 327 pp.

Motta, 2018 – Motta, M. “The Dynamics and Political Implications of Anti-intellectualism in the United States”, *American Politics Research*, 2018, vol. 46 (3), pp. 465–498.

Roberts, Wood, 2007 – Roberts, R.C. & Wood, J.W. *Intellectual Virtues. An Essay in Regulative Epistemology*. Oxford: Clarendon Press, 2007, pp. x+329.

Schwengerer, 2021 – Schwengerer, L. “Online Intellectual Virtues and the Extended Mind”, *Social Epistemology*, 2021, vol. 35 (3), pp. 312–322.

Shawn, 2016 – Shawn, O. *The War on Science: Who Is Waging It, Why It Matters, What We Can Do About It*. Minneapolis, MN: Milkweed, 2016, 514 pp.

Shevchenko, S.Yu. & Tukhvatulina, L.A. “Nesvyataya prostota: epistemologiya dobrodeteli i tri strategii otritsaniya nauchnogo znaniya” [Unholy Simplicity: Virtue Epistemology and the Three Strategies of Scientific Denialism], *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 11, pp. 109–119. (In Russian)

Sidky, 2018 – Sidky, H. “The War on Science, Anti-Intellectualism, and “Alternative Ways of Knowing” in 21st-Century America”, *Skeptical Inquirer*, 2018, vol. 42 (2), pp. 38–43.

Snow, Vaccarezza, 2021 – Snow, N. & Vaccarezza, M.S. (eds.). *Virtues, Democracy, and Online Media*. Routledge, 2021, 258 pp.

Wittgenstein, L. “Filosofskie issledovaniya” [Philosophical Investigations], trans. by M.S. Kozlova & Yu.A. Aseev, in: Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Moscow: Gnozis, 1994, 612 pp. (In Russian)

Ylä-Anttila, 2018 – Ylä-Anttila, T. “Populist Knowledge: ‘Post-truth’ Repertoires of Contesting Epistemic Authorities”, *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2018, vol. 5 (4), pp. 1–33.

Zagzebski, 1996 – Zagzebski, L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Kindle Edition, Cambridge University Press, 1996, 384 pp.